

Станция Волосатая.

Маленькие зеленые человечки

НА ПОДОКОННИКЕ лежит газета. На газету ставят чай в стаканах с подстаканниками, пепельница стоит на газете; кому приспичило, допустим, съесть сельдь — он её прямо на газете и съел. Пил кто кофе, пролил чуток — тоже на газету. Кто пожарил яичницу на завтрак — сковородку на газету поставил, позавтракал. Потом, когда окно мыть стали, убрали газету, выбросили в ведро. Только кусок газеты отпечатался на подоконнике. А на этот кусок положили вторую газету. И снова кому-то приспичило съесть сельдь...

1

ВЕЛА СЕБЯ МАША как самый распоследний Адам. И все вещи у Маши на хате от этого ой как нехило мучились.

Стояли себе на кухне заварочный чайник с сахарницей. Нормально стояли — подходи, чай наливай, сахар сыпь сколько влезет — слова против не скажут. Появилась на горизонте Маша, посмотрела, обозвала и скрылась.

Теперь на кухне стоят Струк и Параша. Злые стоят, сволочи, так и норовят разбиться, сахар по всему полу рассыпать или чай разлить. Им, кстати, ещё повезло — морскую свинку Маша назвала Гнидой. Свинка в отместку окрысилась, стала гадить, как собака из пулемёта, и на людей бросаться.

У одной Маши только все хорошо было. Вроде.

Тогда, как раз я по улице шёл.

И вот, иду я по улице — вижу подъезд открытый. Дверь чинили там, по-моему. Захожу я в подъезд, поднимаюсь на третий этаж, выключаю плеер и звоню в тридцатую квартиру.

Вот так вот:

-((-дзынь-))-

Красиво, короче, звоню. С подвыподвертом.

Маша оторвалась от подушки по имени Лена и пошла открывать.

Жила-была на свете река, текла себе, солнышко любила, любила, когда птички поют, а

больше ничего не любила. Шёл через неё однажды по мосту Машкин папка, нес дочери килограмм халвы. А ветрище был, папка Машкин задумался чего-то, руку расслабил, так пакет с халвой в реку и сдуло. Попробовала река халвы и влюбилась в эту самую халву по самые сваи. Теперь кто с халвой к этой реке приходил, обязательно халву свою в реку наворачивал. Типа случайно. Ела река халву, ела. Растолстела, стала некрасивая.

Никто, кстати, эту реку особенно-то и не любил. И не за то, что толстая, а за то, что мизантропка.

Дане дедушка на день рождения подарил аппарат для выжигания. И начал Даня выжигать. Сначала выжигал слово «мама». Вот так как-то:

МАМА

Потом выжигал, как дедушка ездит на мопеде. Вот так дедушка ездил:

А потом взял и выжег что-то вроде «Призрак Блохи».

Маму и папу это тогда очень удивило, а дедушку — нисколько. Дедушка ходил гордый за внука, оттого счастливый и ни разу не удивлённый. И на мопеде ездил по-прежнему. За щавелем и грибами. А на следующий день рождения подарил Дане краски, кисточку и трансформера.

К пятнадцати годам у Дани появилась барышня с именем какой-то из английских королев. Я её буду называть Джиневрой, а вы уж как хотите. Джиневра ходила в художественную школу и в класс эстрадного вокала. Даня тайком рисовал её, непременно с атрибутами Высшей Жрицы. Просто, чего греха таить — выпендриться любил. Ведь выпендриваться — это ведь целое искусство. А...

«Искусство важнее всего, душенька...» — говорила Джиневре Аделаида Семёновна Крукенберг, преподавательница в эстетическом классе.

Потом, когда совсем-совсем темнело, Джиневра целовала Даню в щёку и убегала домой, незаметно прихватив какой-нибудь потайной своей портрет.

Дома он вешался на стену к десяткам других Джиневр.

Маша открыла дверь.

На пороге стою я.

— Не бойся, Маша, я Ду...

— Заходи, заходи, давай, — Маша типа невзначай смотрела на меня вполоборота, чтобы я не заметил зарёванных глаз.

— Чего с тобой такое? — спросил я.

— Ничего, в порядке всё. Правда. Честно-честно.

— Дура ты, Машка. Харе киснуть. Вот, Коля... Коля же не киснет. Правильно я говорю?..

Тогда я и нарисовал Колю. Прямо на тумбочке в прихожей. Пальцем по пыли. Корявенько так нарисовал, у Дани бы лучше получилось. Вот так нарисовал:

Потом встал, ушёл и больше не появлялся.

Маша посмотрела Коле в глаза и пропала. По телевизору в кухне начали мультики показывать — а Машка всё на Колю пялится.

— Мама, мама, а кто это?

— Не знаю, сынок. Может... мессия?

Пялилась Машка, пялилась, а потом смотрит — Коля на неё в ответ пялится. Пристально так, оценивающе. «К чему бы?» — подумала Маша, а Коля вцепился в неё взглядом — не отпускает. Маша перепугалась и стёрла Колю ладонью. Он же в пыли нарисован был, такого стереть не трудно.

Думала — всё. Нету больше Коли.

Пошла с горя макаронами ужинать. Невкусными. Сначала ела их, а потом стала вилкой из макарон фигурки выкладывать. Сначала пожарника, потом машину, потом... ещё что-то. А вместо чего-то получился Коля.

Получился и давай смотреть.

В НОЧЬ с тридцать первого на первое как-то случился Новый год. Даня сидел у бабушки дома, пил шампанское с мясным пирогом. Дедушка смачно ругался матом на телевизор:

— Да скока ж можно крутить эту ерунду... Ну *епетить твою, а?*

Из кухни, из шипения масла и свиста чайника, в ответ громом кричала бабушка:

— Дед, хватит матом ругаться при ребёнке. Иди лучше молоко из холодильника принеси.

А Даня жуёт свои пирог, а шампанское пляшет в бокале и сквозь его пузырьки видно, как в телевизоре показывают Софию Ротару. А бабушка несёт бабушке пакет молока и продолжает смачно ругаться, и ждёт эти сраные двенадцать ударов — в десять минут первого по «Культуре» будут концерт МакКартни показывать.

А собака чешется.

Папа Джиневры читает дочери сказку на ночь. Ведь это же страшно неинтересно — отсчитывать эти сраные двенадцать ударов, гораздо лучше просто проснуться в Новом году и посмотреть в окно: как там всё изменилось.

На этот Новый год папа читал грустную сказку. Вот такую:

«...жил-был под ёлкой под Саратовом Ёжик и звали все Ёжика Митей. Нашёл как-то Ёжик кучу в лесу, порылся в сору часок, нашёл две авоськи хреновин и ерундовин всяких и ракушку морскую. Хреновины сразу обратно в кучу засунул (чего себе жизнь усложнять?), а ракушку в карман положил.

Пришёл домой, ухом в ракушку упёрся и слушает. Слушает и про море мечтает, тельняшку на себе чешет, а под тельняшкой пузико. Очень нравилось Мите ракушку слушать и о море мечтать.

Но как-то раз пошёл Ёжик на котельную, а в это время залезли к нему в норку какие-то ..., плиту унесли и ракушку разбили. Пришёл Митя, увидел, какая фигня творится, и расстроился. „Дык, ёлы-палы!“ — подумал Митя в сердцах и пошёл в торговый флот устраиваться, больно он по морю тосковал без ракушки-то...

Взяли Ёжика коком на баркас, только не на морской, а на речной. Ходил с ним Митя полтора года, а в прошлом апреле навернулся через за борт и утоп. Плавать не умел.

Потом кто что говорил... Кто — что Митя нырнул дитё из реки спасать. Кто — что его тоска зелёная с говном съела. Разное говорили. А всё одно — потоп Ёжик.

Митей его звали... Ёжика-то...»

Папа Джиневры, кстати, тоже той ночью по «Культуре» МакКартни смотрел. Ждал — будет там песня «We Can Work It Out» или не будет. Была. Я тоже в ту ночь МакКартни смотрел — видел её.

А Маша её не видела. И не слышала. Ни в ту ночь, ни в какую другую. «Let It Be» слышала, «Yesterday» слышала, даже на «Penny Lane» клип как-то по телевизору смотрела. А вот с «We Can Work It Out» не срослось.

Ну и Бог с ней.

Зато была у неё тетрадка. Ещё со школы. И чего там только не было понаписано... Вот её Маша и листала под Новый год. Жевала лимон и читала свой девятый класс.

Было там такое, например:

*чудотворец в чёрно-белой маске
ловил старух на базаре,
вешал на нитку, сушил над батареей,
пришивал им крылья, сшитые из наволочек,
и отпускал с четвёртого этажа на волю.
а старушки визжали,
конфузили птичью прохожую публику
честили чёрта против его закопчённой шерсти
и разбивались.
чудотворец смотрел на это
и ел варенье. Ложку за ложкой.
Ам!*

Кривым, кособоким почерком. И подписано «НОЖОВ». Все в классе подписывались «ФАНТОМАС», а Машкина соседка по парте, Женька, — «НОЖОВ», чтобы:

- a) страшнее было
- b) чтоб никто не догадался.

Правда, на фоне фантомасов Ножов был один и Женьку всё равно вычисляли. Да и страшно было одной только Машке. Однажды Женька принёсла в школу книжку про кино с фоткой графа Орлока, показала Машке и говорит жутким голосом: «Ножов!» Кому хочешь страшно бы стало, честное слово.

Потом, правда, стало не так интересно: Женьке навешали двести штук репетиторов, она приходила в школу поспать, даже на «Но-

жова» откликаться перестала. И чего хорошего?

Пробило двенадцать раз. Машка закрыла тетрадь, выключила телевизор, гирлянду на ёлке (оно красиво, конечно, но ведь коротнёт ещё). Спать пошла.

Если бы Маша зажгла в спальне свет, то она бы увидела, что на прикроватной тумбочке лежит открытка. Но — не срослось. Маша увидит открытку утром, когда проснётся. И на открытке будет нарисован Коля.

3

СЕЙЧАС ЭТО ВСЕМ известно, что двойка — это клёво, а тройка, понятное дело, самая рогатая и зубастая, и вообще с ней всегда как-то спокойнее. Но нынче речь пойдёт о четвёрке, и вот в чём, собственно дело.

В город наш ведут четыре пути. Первый — это дорога через мост, второй там же, неподалёку — нужно проплыть прямо под железнодорожным мостом, а там — пешком, через школьное футбольное поле. Третий путь — въезд с трассы «Москва — Горький». А четвёртый — не знаю где, но то, что он есть, — это точно.

Только так и можно попасть в город, где я родился — по другому совсем никак не получится. Будешь ехать на электричке — куда угодно попадёшь — в Муром, в Новки, в Лас-Вегас, только не туда, куда надо. Захочешь лесом пройти — заплутаешь, выйдешь к утру к какому-нибудь катку или, там, на станцию Волосатая выйдешь — и как хочешь лови там попутку — предупредили же!

Хитро устроено. Только это неспроста. На каждом из четырёх путей сидит свой начальник — смотрят, кто идёт, что за человек, за какой надобностью.

В Заречной Слободке, на первом пути, живёт Яхтенный Сторож. Только об этом мало кто знает. А что? Стоит себе дом. Со всеми делами стоит, с гаражом. Только в гараже ни черта не стоит. Там мешки с картошкой пылятся. Прорастают тихонько. Сыро там. Если спросишь какого-нибудь пацанёнка из местных, кто там живёт, тот тебе расскажет про афганского ветерана, которого почти парализовало, и поэтому он никогда не выходит на улицу, а ещё про то, что еду ему привозят раз в неделю на фургоне. А если втереться к пацанёнку в приятели, он

может рассказать, что пару раз слышал, как ветеран ночами орёт и стреляет в стены. А мать паренька расскажет тебе про старика, у которого в Чечне сына убили, и потому он совсем не хочет никого видеть. Ну, из людей. У него живёт собака, которая частенько бегаёт к реке, лает, рычит, а потом спокойно себе убегает домой.

Это всё, понятное дело, чушь. Кроме собаки, живёт в доме Яхтенный Сторож. Яхт, конечно, никаких не сторожит, это просто название такое красноречивое. Зато смотрит во все глаза, кто приезжает. Смотрит в большущую подзорную трубу и всех непременно записывает. Мне, например, очень удивительно, как он всех-всех приезжих так ловко распознаёт. Бывает, даже в трубу не посмотрит, прислушается — мост трясётся, головой тогда кивает, берёт тетрадку и записывает туда чьё-нибудь имя-отчество. И всегда правильно.

Сам он добрый, только пьёт много. Матом ругается, бывает, в усы. Они у него кустистые, иногда кажется, что из сушёного табака. Доподлинно про его усы одно известно: вечером он их подстригает над бумажкой, потом бумажку заворачивает в папироску и даёт эту папироску собаке. Собака скуривает, не жалуется, и палёным волосом, кстати, от собачьей папироски не пахнет.

Собаку его зовут Джин-Тоник. И бегаёт Джин совсем не на реку лаять, а телеграфировать список приезжих Путевому Обходчику. А то вай-фай у реки то ловится, то не ловится, а отчётность — дело каждодневное.

Путевой Обходчик отвечает, соответственно, за второй путь. Если кому достанет смелости и дурацки двинуть к нам вплавь, встретит, запишет в регистраторскую книгу, а если ещё и человек хороший — пригласит к себе на чай, он снимает половину частного дома у пушкинского сквера. У него там на тумбочке стоит аквариум с речным окунем.

А от чая все, конечно, отказываются — если нужда была такая, что пришлось чесать через реку вплавь, — не до чаёв. Обходчик не обижается — испанцы у нас в городе вообще не обидчивые. А он — испанец, каких поискать, — с бородой в седине, что твой Эль Сид, и мечом махается не хуже. Зовут его, как всех приличных испанцев, — Рамирес, только это по паспорту, не по должности.

Рамиресу даже труба не нужна — он и без неё всех видит, хотя от его дома до берега приличных минут десять ходьбы. И вместо тетради у него ежедневник. Даже два — один свой, другой Яхтенного Сторожа дублирует — тот частенько

свои тетрадки на папироски пускает. Поэтому Джин-Тоник и телеграфирует Путевому Обходчику по два раза на дню. Рамирес собачий более-менее понимает и всё записывает.

Одна у него беда — среди ночи бывает вступает злющая боль в шее, как резануло чём-то. Рамирес в поту просыпается, ощупывает голову — вроде на месте, успокаивается и снова засыпает. Врачи ничего толком сказать не могут. Станционный Смотритель, правда, советовал от этого дела чай пить с вишнёвым вареньем перед сном, но как-то не очень помогает.

У Станционного Смотрителя на каждую хворь найдётся лекарство, и каждое это лекарство будет помогать как-то не очень. Он, вот, до сих пор не может себе толком ноги вылечить. Они у него то одна в колене ноет, то вторая, то обе отнимаются, как сговорились.

Станционный Смотритель квартирует в дачном домике у мотодрома, на въезде со стороны Мелехова. Смотрит, записывает, вечерами играет какую-нибудь ерунду на губной гармошке — на её звук из леса приходит лось, слушает, прется, рубится, трясёт рогами — сразу видно, соли налился. Кстати, кроме Станционного Смотрителя, этого лося никто не видел. Даже я. Но Смотритель всех уверяет, что лось, несомненно, существует и у меня нет оснований ему не доверять.

Дома у него четыре шкафа. В первом лежат пластинки, только Смотритель их не слушает — проигрыватель сломался, перебивается мп-3хами на волкмене. Во втором живёт кошка, её зовут Ереван-Алматы, потому что носится, как скорый поезд. В третьем лежит Большая Литература, а в четвёртом небольшая. Маленькая такая литература.

А кто сидит на последнем пути — я не знаю.

4

НА ТОТ НОВЫЙ ГОД младшая сестра подарила Дане рисунок. Рисунок был вот такой:

Даня долго выспрашивал у сестры, мол, кто это. Сестра молчала, как пленный партизан. Потом, правда, сдалась. «Дядя», — сказала сестра и спорить с ней было бы бесполезно. «Ведь действительно дядя», — подумал Даня и повесил рисунок у себя в комнате, рядом с целомудренным до неприличия портретом Джиневры.

Потом ещё долго смотрелся в зеркало. Рожи корчил, выбирал ракурс повыгоднее. То тёмные очки наденет, то снимет, всё поглядывал на Дядю, мол, как оно. Дядя только саркастически улыбался. И вывод напрашивался из всего этого какой-то неутешительный.

let's bite the dust

*прокомпостируй этот даст —
разобьёшься в лепёшку,
костью ляжешь — она один хрен не даст
твой прадед шпарил в войну на гармошке
про Eleanor Rigby — однополчане ругались
«ну что за говно...».*

*а она живёт за углом,
и пока мелкий град стучит по стеклу living in
the past —*

*ты понимаешь всё лучше — нет. точно не даст.
когда тебе нет двадцати — это просто*

live fast die fast

*а то чего там — сел себе и дави на газ
у неё глаза — шесть футов под землю
и, само собой, точно знаешь — тебе не даст.
ведь и мэн-о-уор из тебя — туфта.
и ол-зэ-янг-дьюдс из тебя не катит,
ты задал задачу для всей королевской рати —
считать твои дни, отсчитывать -раз-два-
раз-*

*ты просто another one,
заточен под bite the dust, под кости/лепёшки
под знание: даже если очень захочет
наглотается дряни, переедет на три квар-*

*тала,
но точно. Ну точно-точно
совсем. никогда. не даст.*

Маша стояла на автовокзале, изучала свою шестую платформу: рядом толпились тётки со свёртками шмотья и детей, бабушки с газетами и джихадом в глазах. Таким приличествовало бы стоять на песчаном гребне с обнажённым клинком и зелёным знаменем пророка, но — вестимо не срослось...

Правда, знал я одну бабу: было у неё мужнино ружьё, лежало себе на шкафу, пыль глотало. И вот как-то посмотрела бабу по телевизору злое и жестокое американское кино, одела

тёмные очки, взяла ружьё, вышла на улицу, поймала какого-то пацана, стволом ему воротничок так поддела и говорит ему:

— В чём ты ходишь... — менты, когда бабку отпустили, потом долго смеялись.

Потом пришёл канареечный автобус, бабок туда всосало, как в ловушку для привидений, а они уже прихватили с собой ушмотенных тёток, утётканых дядек и Машку.

И все бабки до единой знали, куда идёт канареечный автобус, и никому не сказали, сволочи. Так и ехал себе автобус с бабками, джихадом и с одним здоровым машинным неведеньем. Мимо неслись такие одинаковые деревья, что если бы окна автобуса заклеили фотообоями с соответствующим видом — разницы, по-хорошему, никто бы и не заметил.

Чья-то ладонь бесцеремонно рухнула на Машину руку. Оказалось — ладонь числилась за странным дяденькой, безалаберно корчившим всему автобусу недовольную харю. Всё, короче, становилось удивительнее некуда — за это Машка могла дать на отсечение любой непломбированный коренной зуб...

— Собирайся давай, нам выходить на следующей, — в ответ на недоуменное выражение Машиного лица дяденька заговорщически подмигнул и добавил: — Если хочешь хоть *куда-нибудь* доехать, конечно...

Автобус остановился, и дяденька, опираясь на суковатую клюшку, неспешно так двинул к выходу.

5

БОЛЬШЕ ВСЕГО на свете Аделаиду Семёнову Крукенберг интересовала проблема божественного суицида. Когда, накрывшись тёплым шерстяным одеялом, она вступала в хрупкие стадии сна, ей виделся то Христос, идущий на распятие, то болтающийся на Игдрассиле Один. По столь отважным фактам мифологической жизнедеятельности Аделаида проливали слезу, и её далёкая-далёкая звезда, незаметная невооруженному глазу, сияла оттого чуточку ярче.

Но в глубине души Аделаида Семёновна лелеяла образ всемогущего демиурга, безвозвратно повесившегося у неё в кухне на люстре от общей неустроенности жизни.

В этом преподавательница эстетического класса видела высшую форму искусства.

«А искусство важнее всего, душенька...»

Так говорил семнадцатилетней Аделаиде филолог Гоша, подаривший ей на именины звезду, без всяких там паспортов и свидетельств — просто ткнул пальцем в небо и сказал:

— Эта звезда ваша, душенька, извольте пользоваться...

После слов про искусство Гоша обычно лез Аделаиде то в бельё, то в душу. То в душу, то в бельё...

А потом уехал Гоша в Череповец — и осталась Аделаида со звездой в одиночестве. И только на кухне услужливым ободряющим скрипом скрипела петля демиурга.

Джиневра потянулась и крепко-накрепко решила встать. Посмотрела краем глаза на Данины рисунки, как в зеркало, мол, хороша ли?

— Да хороша, хороша, вставай уже, — отвечала рисунки берёзовым весёлым языком.

Чёрт знает где вышли — заснеженный лес во круг, остановка, непостижимая, как Стоунхендж, продувается насквозь всей розой ветров. Дяденька как-то слишком спешно и уверенно прихрамывал по сугробам, иногда оглядывался, хмурил седые брови, жестаи торопил Машку, а та норовила увязнуть в снегу покрепче, поосновательнее.

Как назло, рядом асфальтовая дорога, а попутчику приспичило чесать через поле, скрытое под целинной хрустящей шапкой.

— Мы, конечно, могли бы следующего автобуса дожидаться, но... как бы тебе сказать попомятнее: он бы нас немного *не туда* привёз. Мой дом и мой город — вещи всё-таки разные, хотя и смежные, конечно. Ну, это как блоха и собака. Или как дом на крыше.

— А вы тогда получаете Карлсон?

— Не то чтобы совсем, но что-то вроде. Что-то вроде...

Дяденька замолчал. И толстую, тёплую тишину нарушал один только хруст снега.

Хрум-хрум. Хрум-хрум.

Хрум-хрум. Хрум-хрум.

Человек будущего давил сахар потемневшей десертной ложкой, потихоньку всыпая в сахарницу ароматный коричный порошок. Это было похоже на неспешную работу профессионального медвежатника, отпирающего замок при помощи спички, заколки-невидимки и алюминиевой стружки.

Одним из благоприобретённых в процессе эволюции свойств была до боли досадная не-

способность различать вкусы и запахи. Самым досадным в этой неспособности было то, что потеря совершенно рудиментарного с рациональной точки зрения навыка, вызывала в человеке будущего непреодолимое чувство тоски и какой-то собственной незаконченности. Разум с тоской боролся инквизиторскими методами — тоска отбивалась как могла.

Но как-то раз, к застенчивому удовольствию человека будущего, конфликт сам собой в пользу первобытных маленьких радостей разрешился.

Сначала человек будущего ничего, собственно, не заметил. Просто накупил в ларьке выпечки — с молоком поужинать. Пришёл домой, разжевал булочку с корицей, прикинул, что на вкус она недалеко ушла от абсолютного кулинарного нуля, сделанного целиком из холодной манной каши. И тут как обухом по башке треснуло — паршивый, конечно, но ведь вкус. Усохни, моя душенька, — вкус.

Человек будущего облизал с губ остатки корицы и уставился куда-то в окно. В его спешно эволюционировавшую голову пришло совсем не футуристичное осознание чуда.

На следующий день человек будущего купил контрольное коричное мороженое. Мороженое выстрелило метко и поразило безупречно-безвкусную жизнь человека будущего точно в самое рыло.

Сначала было, конечно, как-то непривычно — колбаса с корицей, картошка с корицей, даже любимое тёмное пиво — и то с корицей. Потом привык. Способность к молниеносной адаптации тоже была приобретена в течение волевой эволюции.

Покупные пакетики с коричневым порошком человек будущего постоянно таскал с собой. Особенно когда ходил токсикоманить в читальный зал. Пока никто не видит, сыпал корицу на какие-нибудь престарелые страницы и долго принюхивался, пока запах пожелтевшей бумаги не отделялся от коричневого призвука и не уносил человека будущего в область чистого удовольствия.

Дяденька поставил перед Машкой чашку какого-то совсем уж мерзкого пакетного чая с лимоном, а сам стал писать что-то в толстенной записной книжке.

— Тебя как по батюшке, а?

Машка ответила. Чай, кстати, как показал первый глоток, оказался не таким уж и мерзким.

— А всё-таки, куда мы пришли? — робко спросила Маша хромоногого дядю.

— Ко мне домой, как видишь. Наш автобус, кстати, сломался, и всё его содержимое сейчас мёрзнет где-то под Муромом. Часа через четыре им пригонят четыре «газельки» и отвезут в тот же Муром. На автовокзал. Согласись, перспектива погостить у меня всё-таки поинтереснее беляшей с кока-колой на муромском автовокзале. Не находишь?

На этот раз Машка решила промолчать, только скромно окинула взглядом полупорожнюю чашку чая и здоровый бутерброд с кетчупом и варёной колбасой.

Изошутка:

А в эстетическом классе всё с самого утра пошло не так. Стремительного роста женщина с пренебрежительным взглядом типа «земля-земля» сообщила, что Аделаиды Семёновны сегодня, по-видимому, не будет.

Аделаида Семёновна сидела дома, грипповала, смотрела на пустую кухню и слушала какую-то ну совсем уж пошлую тишину.

— Простите, а вы Колю когда-нибудь видели? — вполне согрешившимся голосом спросила Маша.

— В смысле Колю? Вообще какого-нибудь Колю или конкретного какого?

— Да нет, не конкретного, а такого Колю, ну... — Маша взяла за рукав дяденьку и потащила из дома на улицу, прихватив с собой ножку, отвалившуюся давным-давно от табуретки...

— Вот такого Колю! — с гордостью резюмировала Машка свой рисунок отвалившейся ножкой по снегу.

6

УНИФОРМА ЧЕЛОВЕКА будущего всегда довершалась одним и тем же штрихом — очками с овальными синими стёклами. Без диоптрий, само собой. Об их назначении человек будуще-

го мог говорить часами, но уж если честно, осознания смысла в его объяснениях не было — он просто боялся, что фраза «в них всё смотрится как-то веселее» в его исполнении будет недостаточно футуристичной.

К униформе также прилагались наушники (и как в будущем, и приятно), из наушников играл «Депешмод», «Крафтверк» или группа «Gup», классика арт-рока. Вырвиглазная музыка.

Тонкая шея человека будущего выглядывала из высокого воротника синей кофты, специально взятой на несколько размеров больше, чтобы смотрелась как мундир офицерского состава какого-нибудь звездолета. Сверху на человека будущего одевался коричневый пуховик, который, в свою очередь, напоминал нечто среднее между скафандром и стилсьютом.

Обычно в таком виде человек будущего целыми днями ходил по городу. На работу его никто не брал — из всего образования у человека будущего были вполне достаточные для высокой миссии волевой эволюции, но не особо впечатляющие работодателей, десять классов и откос от армии.

Денег человек будущего от этого получал болезненно мало. Того, что приходило от биологических родителей, хватало на съёмную квартиру, еду, корицу, троллейбус и платный абонемент в библиотеке.

Часто вечерами, сидя перед посыпанными корицей пустыми макаронами с солью, человек будущего с удовольствием вспоминал четыре недели жизни альфонсом у милой тридцатилетней учительницы. Жаль — отношения пришлось форсированно прервать. Обаятельная сожительница на полном серьёзе предложила человеку будущего повеситься. Он пытался отвертеться, рассказывал о волевой эволюции, звездолетах и космических картах, запроважденных в планшеты, но — безуспешно. Пришлось валить в спешке, прихватив за всё хорошее пять тысяч рублей.

Справедливости ради, стоит упомянуть, что недавно человеку будущего работу всё-таки предложили. В ДК, помощником декоратора. Предложил работу один приятель, сторож-драматург. Пьесы он писал на работе, по ночам. Сторожил, кстати, тот самый ДК. Человек будущего хотел было отказаться, но вспомнил вкус пустых макарон с корицей и как-то сразу одумался.

Теперь человек будущего шагал по заметённому тротуару к какому-то художнику забирать фанерные стенки для брочки. Брочка нужна

была для пьески, за авторством сторожа. Выглядела она, в смысле пьески, так:

Леонид: *Светает. Генералы уходят на зимние квартиры. Это цикл, это надо принять...*

Воцин (въезжает): *Меня зовут ящик Евсей Воцин, где тут дохтур Тубореев?*

Тубореев (выходит из-за кулис навстречу Воцину, кутая лицо в воротник пальто): *Это немыслимо! Нога не может срastись с головой даже... А! Я! Я Тубореев!*

Воцин (важно): *Мне велено отвезти вас в город. Там разберутся. (состряпывает непроницаемое лицо.)*

Тубореев: *Но позвольте...*

Воцин (важно перебивает, не меняя лица): *Там разберутся.*

Тубореев (залезает в брочку): *Ну ладно уж... Вези...*

Воцин (с подобранным лицом): *Вот так бы и сразу, ваш благородие!*

(Брочка уезжает за кулисы.)

Леонид: *Светает. Генералы уходят на зимние квартиры. Это цикл, это надо принять...*

*И пока он говорит...
Занавес.*

Сторож божился, что за постановку проставится всему ДКшному драмкружку, потому пьеску решили ставить. Только, ясное дело, не одну. Всего их было пять штук. Вторая, например, как утверждал сторож, была навеяна флорентийским Возрождением.

Бенуэтта: *Танцы, танцы! Беликов, скажите, чтоб были танцы!*

Прокоп: *Беликов умер, матушка. Его затравили собаками князь.*

Бенуэтта (возводит очи горе): *Аве!*

Хор Корнуалле: *Аве!*

Беликов (входит, волоча на ноге собаку, и недовольно машет руками): *Князь умер... Какая-*

то утробная, нехорошая смерть. (Уходит за кулисы, противоположные тем, из-за которых он вышел.)

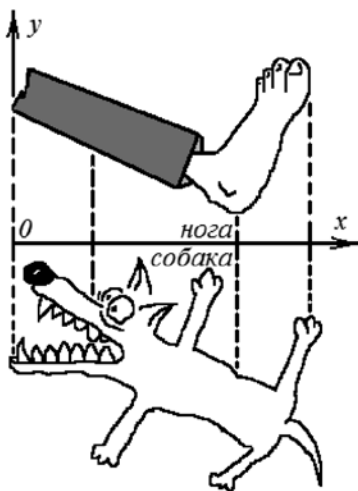
Камердинер (выходит оттуда же, откуда выходил Беликов): Мне велено доложить, что князя сбил поезд. Князя Мироно уже нету среди нас.

Прокоп: Князя схмячил Беликов. Это ясно.

Бенуэтта (берёт Камердинера и Прокопа за руки и выходит на авансцену, говорит патетически, в зал): И оттого наше положение ещё более ужасно!

Занавес.

Но о ней человек будущего предпочитал даже не думать. Идея пошива собаки, надевающейся на ногу, приводила в смятение и человека будущего, и декоратора Кириюху.

— Может, слышала, неподалёку отсюда была в своё время деревенька. Обычная такая деревенька, до революции была под какими-то барями, не шибко богатыми. Только вот называлась деревенька ну... Не шибко обычно. Уризен. Туда ещё в начале века приезжал какой-то декадент придурочный. Приехал, долго ходил там, смотрел, чего да как, потом лёг на холме у кладбища, распластался весь и кричит, мол, я всё понял, прими меня небо, мочи нету жить. Его потом крестьяне в бане отпаривали. При советской власти учёный приезжал, в документах копался, всё понять не мог — почему Уризен... Так и уехал. А деревню даже переименовывать не стали. Она потом сама загнулась, году в семидесятом. Там только жестяная табличка осталась. Так и написано, ей-богу, «Уризен».

— А почему всё-таки Уризен-то? — спросила Машка, вырыв рот из под одеяла (она под ним

грелась — весь день с дяденькой прошлялись по лесу, продрогли насквозь).

— Так это... При Николае Первом у тамошнего барина друг был, англоман, книжки возил всякие, а наш барин по ним лазал, картинки смотрел. Нашёл таким манером слово «Уризен», оно ему приглянулось, вот барин одну деревеньку и перекрестил в Уризен. До того она была Пыжиково.

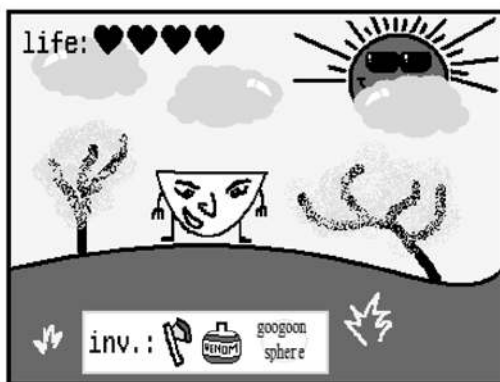
7

У АДЕЛАИДЫ Семёновны Крукенберг в жизни была одна отрада — приставка Сега-Мега-Драйв-Два. С двумя джойстиками, чтобы, если придёт кто, можно было в третий «Мортал Комбат» зарубиться вдвоём. Но что-то не приходил никто, в мортальник Аделаида Семёновна играла на прохождение. За Шан-Цунга.

*посиди-поплачь там себе,
если станет полегче — в холодильнике были
два ведёрка с мороженым.
и, вообще, зря ты киснешь:
как маленькая, честное слово!*

*это же просто игра, как в **Рас-Man**, или в **Rock-N-Roll Racing**,
эта твоя любовь, или как её там?*

Одна беда — если долго-долго играть, а потом улечься, наконец, спать, то неизвестно что приснится. И у этого неизвестно чего как пить дать будут уровни, длиннющие пароли типа *zx48otro0la1a4ch* вместо нормальных сохранений и конечно же боссы, которым нужно попасть пять раз топором в глаз. Неизвестно что Аделаиды Семёновны Крукенберг статически выглядело приблизительно так:

И одно о своём неизвестно чём Аделаида Семёновна знала крепко-накрепко: если в конце джунглей ацтеков прыгнуть на зелёную гиену два раза, из неё выпадет дополнительная жизнь.

В гостях Машке жилось хорошо, конечно, но очень уж беспокойно. Хозяин, бывает, разбудит ночью, скажет — одевайся, пойдём, говорит, лося смотреть. Нечего делать — приходится одеваться, и опять по сугробам за дядькой, пока тот не остановится в какой-нибудь совсем уж непроглядной глуши и не достанет губную гармошку. Зато потом только успевай слушать — и не забывай смотреть. Где-нибудь непременно появится довольная лосиная башка. По глазам видно — вставило сохатого.

Дяденька потом рассказывал, что играет в глуши не простые песни, а специальные. Так и называются: «Песни для Лосей». Про них целая монография написана. Машка её листала, только не поняла ничего. Да и не особо хотелось, если честно. Тут понимай, не понимай — главное, чтобы лосям нравилось.

Когда, повидавшись с лосем, возвращались домой, безымянный дяденька наливал Маше пол-литровую чашку чёрного чая с вареньем и доставал из подпола трёхлитровые банки с каким-то нездешним печеньем. Было как-то легко и душевно, тогда дяденька закидывал ноги на письменный стол и начинал рассказывать байки...

К Дане постучали. Открыл — на пороге стоит парень с тощей шеей, растущей откуда-то из безразмерных степен коричневой куртки. На лице у парня криво сидели синие очки.

— Я, это... За брочкой пришёл. Мы вам заказывали.

— А, да. Сейчас принёсу.

Выдал парню большущий чёрный пакет с разбранными расписными стенками. Парень в ответ резким движением, вроде бы даже на выдохе, протянул Дане договорной прайс.

— А вот, извините, конечно, вы не могли бы нам ещё такую собаку сшить, чтобы на ногу надевалась.

— Не-не... Я по шитью не специалист.

— Да ладно тогда, бог с ним. Вы только к нам на спектакль приходите, хорошо?

— Постараюсь, честное слово.

— Тогда это... Всего доброго.

— Да, да. Удачи, — и закрыл дверь. Потом пересчитал деньги и понял, что три сотни длинношеее существо всё-таки зажало. Спектакль, не спектакль, а в ДК нагряться придётся — восстановить финансовую справедливость и повидаться с декоратором Кирухой, пропащей душой...

Сторож-драматург просиживал треники в сторожке и от нечего делать перечитывал свою

книжку, изданную в типографии «ЕликоСпрос» минимальным тиражом в пятьдесят экземпляров. Книжка была красивая, в мягкой розовой обложке с роденовским «Мыслителем». Внутри неё было всякое. Например, стихи: то со смыслом, то с матерком — и с тем и с другим у сторожа никак чего-то не получалось. «Это вроде бы со смыслом...» — думал сторож и удовлетворённо читал что-нибудь типа этого:

*..подошвы моих ботинок
делают кожу на полмиллиметра толще.
я чувствую каждый камень, каждую пробку,
каждый окурок, который какой-то пидор
не донёс до помойки. а бросил так, на дороге...
.в общем и грех жаловаться —
да только на закорках я несу Бога
...тяжёлый, зараза, а ведь не бросишь — сей-
час с этим, сам знаешь: строго
так ведь он ещё ёрзает, падла, кричит типа
'забирай вправо'
подстава, короче. а все началось как обычно —
в городе новый мессия, а стало быть нужен и
Лазарь,
сверил паспорт, сказал: если лазарь — вста-
вай и лазай
по окраине — там нынче больше нищих
прокажённых, немощных, пришлых
со свещем и пробитым днищем,
в общем, вызвался лазарем — лазай и неси Бога..
и несу. Эй, ребята, любители красить забо-
ры —
не охота ли вам между делом потаскать Бога?
нет? и ладно
сам справлюсь
пока ещё целы
ноги. Одно обидно —
подошвы моих ботинок
делают кожу
всего на каких-то драных полмиллиметра
толще...*

Но стихи, это было так, для души. Главное в книжке — это, конечно, пьесы. Их там было до восемнадцати штук. Но самых главных было пять. Их сторож называл «универсальными». Пьесами обо всём. Третья, например, была написана самой первой и выглядела вот так:

Стрельцов (входя и кланяясь): Порох, госпо-
да, здесь пахнет порохом. Я не удивлюсь, если
сейчас Анатолий Березняк упадёт мёртвым.

Цацаг (входя и кланяясь): Березняк упал мёр-
твым. Его хватил удар. (Принюхивается.) По-
рох! Здесь пахнет порохом!

Стрельцов: Я совершенно не удивлен.

Цацаг (виновато): Чтоб не мучился...

Гога Шмер (входя и кланяясь): Меня зовут Гога Шмер. Я вышел, чтобы представить вам героев грядущей драмы. Вон тот плюгавый хромец — Андрей Степенцев, рантье...

Гога Шмер (нервически): Ага... Ну, я пошёл?

Цацаг (не менее нервически): Ага...

Стрельцов (перебивая Гогу): Шмер, ты глупец, ты всё напутал. (кланяется) Меня зовут Афанасий Стрельцов, и я вовсе не рантье.

(Шмер уходит, напевая что-то себе под нос.)

Гога Шмер: Да, Степенцев, ты не рантье, ты злодей и разбойник! (Хохочет.)

Цацаг (выходит на авансцену и обращается в зал): Нас тут ещё много. И всех, наверное, убьют. Так что... (Улыбается.) Ещё будет на что посмотреть.

Цацаг: А меня зовут Цацаг, я тоже не рантье.

(Ковыляя, уходит из зала.)
Занавес.

Гога Шмер (сквозь хохот): Нет, Цацаг, ты жестокий рантье, ты живёшь не по средствам!

Селедкин (входя и кланяясь Стрельцову и Цацагу): (в зал) Смотрите внимательно: сейчас Стрельцов убьёт Шмера.

(Выстрел.)

Селедкин: Садом! Садом! Стрельцов убил Шмера, убил Шмера! (Убегает за кулисы.)

(Стрельцов хватается за сердце, картинно падает замертво.)

Когда надоело перечитывать свою книжку, сторож решил, как он подпускал, было, термина, «посторожить» — то бишь прогуляться вокруг ДК с сугубым лицом и монтировкой, завёрнутой в газетку. Окрестная пацанва от такого дела к ДК ночью не приближалась и на морскую милю. Сторож думал — дело в лице. Пацанва же склонялась к монтировке. А роль газеты вообще все были склонны недооценивать.

«Роль прессы у нас всегда недооценивают» — думал сторож в процессе сторожбы и сжимал монтировку покрепче.

Цацаг: (показывая на Шмера, сжимающего в дрожащих руках пистолет): Садом! Шмер выстрелил в Стрельцова! Шмер погиб!

Березняк (еле живой входя и кланяясь): (издевательским фальцетом) Шме-е-ер! Ты преступил зако-он.

Все, кроме остолбеневшего Гоги (нараспев): Преступил зако-он!

Гога Шмер (чуть не плача): Эх, если бы вы знали! Если бы вы только знали! (Неверными руками стреляет в Березняка, три раза.)

Березняк (хватаясь за сердце): Содо-о-о...

Селедкин (выбегая, подхватывает вопль Березняка): О-о-о-ом! (Снова убегает за кулисы.)

Березняк (падая замертво): Цацаг! Ты, ты, ты уби...

(Цацаг вытаскивает из-за пазухи пистолет и стреляет в Березняка.)

8

ДЯДЕНЬКА СПРОСИЛ как-то Машку: слушай, говорит, а домой не тянет? «А я тебе уже так надоела?» — ответила недавно перешедшая на «ты» Машка и небожно щёлкнула дяденьку по носу. Дяденька только улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Когда хозяин дома не водил Машку смотреть лося, он вытаскивал её в город, на экскурсию. Сначала экскурсии казались совсем уж странными. Например, встанет дяденька у какой-нибудь скамейки и начнёт рассказывать, как здесь в девяносто шестом году сидел парень с неоконченной технарской вышкой и клеил из бумаги британский самолёт-бомбардировщик, а мимо проходила барышня с одиннадцатью классами и музыкальной школой, очень интересующаяся устройством двигателя внутреннего сгорания. Посмотрела на парня с самолётом и, не будь дура, спросила про двигатель. А парень тоже, не будь дурак, отложил бомбардировщик и стал рассказывать. Так и познакомились.

Сначала Машка как-то не сильно догоняла такие байки, а потом ничего — стала врубаться. Особенно ей понравилась вот такая история:

«Жил-был себе бомж. Бомж как бомж, Петрович какой-нибудь или Степаныч, но его чего-то все звали Лёня Чирк-и-Молния. Он, когда спичку зажигал, присказывать любил: чирк, говорит, а вот и молния. Так его и прозвали, а ему оно больно нравилось. Запоминается, да и благозвучно.

Жил себе этот бомж обычно, только как-то летом кантовался на лужайке у пятиэтажки, а там, на первом этаже, семья была — так они любили вечерами „Секретные материалы“ смотреть и форточку открывали, чтобы душно не было. Так что Лёне было через окно видно, а сквозь форточку слышно. Насмотрелся он тогда про пришельцев там, про тарелки всякие и про Розвелл.

Потом Лёня поселился в писательском сквере, который у церкви. Сколотил себе там у забора под овражком сарайчик, с другими бомжами засоседился — у них там навроде коммуны. Так вот жил в сквере, жил, а потом вот что придумал — нашёл на помойке поломанный тетрис, поपाल его у одного бича-радиотехника, чтобы он, если его нажать чуток кубики показывал и пищал противно. Потом стал в сквере к пьющей творческой интеллигенции приставать — рассказывал длинную историю, слёзную и ироническую. Мол, жил он себе в городе, на югах, вышел на бахчу ночью, за арбузом, а тут свет, мигания всякие, чудики зелёные со здоровенными глазами... Когда очнулся — осмотрелся. Видит — пришельцы ходят по тарелке, щебечут чего-то на своём языке, а за главных у них Трумэн, Чан-Кайши и маршал Тито.

Год он с ними ездил на тарелке вдоль Уральских гор, искали они чего-то, а потом свернули да сбросили его к нам в город, без документов, само собой. Документы дома остались, вместе с арбузами. Зато дали ему машину-коммуникатор и сказали, что как будут мимо снова пролетать — подберут, ещё покатают. Лёня показывал тетрис и снова повторял слово „коммуникатор“, магически действовавшее на публику.

Сначала интеллигенция смеялась по большей части, но потом начал выкристаллизовываться интересующийся контингент, в основном жёны заведующих худкружками и члены клуба фотолюбителей. Специально для них Лёня повторял историю, сообщая ей импульс особой достоверности терминами по типу „психокинез“. Потом вёл их в лес, на какую-нибудь

опушку, тряс «коммуникатором», а тот пищал и светился, приводил публику в электрический восторг. „Раз светится, значит, тут пролетать будут...“ — на слове „тут“ Лёня увесисто показывал себе под ноги опущенным большим пальцем правой руки.

Никто, конечно, никуда так и не пролетал, но жаждущий народ всё равно был рад — хотя бы пиликающему коммуникатору. Своему неожиданному вождю неоуфологи делали различные подношения продуктами наборами и наличкой. Года за два Лёня скопил какой-никакой капиталец, назначил своей пастве встречу, прямо напротив своего сарайчика, а сам уехал в Александров, к корешу.

Пришла публика, смотрит — а Лёни нету. Только дверь открытая, лежит Лёнина куртка и коммуникатор, не пиликает, зато светится. Лёня перед отъездом ему новые батарейки вставил. „Подобрали, значит...“ — благоговейно перешёптывалась творческая интеллигенция и шла пить за удачу своего предводителя; в ответ на шёпот Лёнины соседи-бомжи кивали головами и охотно рассказывали подробности вознесения. Им за это обильно подносили, и все, в конце концов, остались довольны...»

Машку, правда, интересовала одна деталь, о которой хромоногий дяденька ничего толком сказать не мог, — куда потом делся коммуникатор?

Собаку декоратор Кирюха решил сделать из валенка, плюшевой пантеры и вязаной таксы, стыренной из кружка кройки и шитья. Ваял со всем тщанием, клей-моментом, скотчем и нитками. Получилось не то чтобы очень похоже, зато душевно. Правда, морду таксе пришлось перекрасить — как машину в угоне.

Драмкружок посмотрел собаку и остался в целом доволен. Сказали, спектакль скоро — переделывать некогда. Сказали, потом состряпали чугунные физиономии и шли репетировать четвёртую сцену.

Гробокопатель № 1: *Фаддей скончался. Сейчас его повезут на телеге. Я уже слышу, как скрипит её ось...*

(Скрипит ось.)

Гробокопатель № 1 *(он стоит на авансцене, обливаемый ливневым дождем): Вот-вот... (Утирает лоб полый плаща.) Теперь черви сгложут его лихое тело. Всяк Фаддей смертен и это надо признать.*

(Въезжает телега.)

Человек, везущий телегу: *Фаддей скончался... Вот он, лежит в телеге, как будто пыль.*

Гробокопатель № 1: *Таков рок, фатум. Такова судьба.*

Виктор Гарин *(выходит из-за кулис с противоположной телеге стороны):* *Господа! Фаддей совершенно жив! Я видел его только что. Более того: он украл у меня ботинок.*

Гробокопатель № 1 и Человек, везущий телегу *(хором):* *О! Это так на него похоже!*

*Туш.
Занавес.*

Вместо телеги скрипел за кулисами сам Кирюха — и что за порода в этот драмкружок ходит? Говоришь: ну нету скрипучих осей, а им всё равно — вынь да положь.

9

ЧАСТЕНЬКО МАШКА кручинилась — дескать, засиделась в гостях, пора и честь знать. И начинала собирать вещи. Только постоянно не знала, с чего начать. Шмотки? Шмоток немного, особо и собирать-то их нечего — вон лежат, занимают два ящика в шкафу с небольшой литературой. Книжку надо взять почитать в дорогу — вообще не проблема. Вон, «Фантомаса» бери — его три полки в шкафу стоит. А потом думает — надо бы на память что-нибудь взять. Только осмотрится на предмет, чего стянуть и не грех и не обидно, а тут подходит к Машке Ереван-Алматы, ластится под руку.

Машка, конечно, её сразу гладить. И тут как-то не до вещей становится. Думала тогда: «Останусь, пожалуй, ещё на пару дней».

Джиневра поехала как-то на пикник с друзьями. Сначала сидела слушала, как пацанва под гитару песнями глотку дерёт. Пацанва была различная, поэтому песняки тоже были какие-то неравномерные. То про Катюшу, то про Англо-Бурскую войну.

*Клубится дым над Трансваалем,
Зулусы мрут, и мы к тому ж,
Под млат и глад мы все попали,
Мы тянем траурный наш гуж,
А Волга-мать течёт и плещет,*

*И вдоль еёных берегов
Попы терзают сон помещиц
И залезают к ним в альков.*

*Зулус, он тоже человечен,
Он хочет в юрте мирно жить.
Но он, как мы, — войною мечен,
Его нельзя об том судить...
А царь зулуса знать не знает,
Ведь на Руси зулуса нет,
Там нынче нравы процветают,
В каких не важен человек...*

Потом песняки надоели, и Джиневра пошла бродить по окрестностям. Ходит — то ёлки, то берёзки, то яма, то канава. Потом вышла в поле — немотивированное такое поле — не поймёшь и откуда. Только вбит кем-то столбик с табличкой. Подошла, смахнула с таблички снег. Один хрен нечитабельно. «У»-чё-то там. Повернула обратно, к пикнику...

А спектакль назначили на вторник. Сторож-драматург по такому поводу накатил, конечно. Кирюха ему составил компанию, всё вонял на предмет того, что ему за кулисами скрипеть придётся. Душу ему грел один только момент — в зале обещалась появиться барышня, с которой он давеча познакомился. Кирюха её, конечно, сразу предупредил, что пьесы — дерьмо, режиссёр — шизо, а актёры — даже приличных слов не найдёшь, зато наказал обратить пристальнейшее внимание на собаку и прочий художественный антураж. Барышня с труднопроизносимым именем обещалась смотреть во все глаза.

Одна у сторожа и декоратора была беда на двоих: Кирюхин помощник срыл куда-то, уже четыре дня не появляется. Ну да делать нечего — придётся послезавтра вдвоём со сценой карачиться.

Даня всё собирался зайти за тремя сотнями, да всё как-то не удавалось. Придётся зайти на спектакль к этим чудикам... Пригласил Джиневру, чтоб скучно одному не было. Такие дела.

А драмкружкысты судорожно гоняли последнюю пьесу. Туда-сюда. Туда-сюда. Туда-сюда.

Чередов: *Мне по чину сидеть! Я — коллежский секретарь. Мне по чину сидеть.*

(Корнейчук выносит Чередову стул. Тот садится. Корнейчук берёт пепельницу с окурком и удаляется.)

Чередов (*курит в зал*): Умер Аркестэр. У него была гангрена ноги. Его душа сгнила заживо. (Затягивается и выпускает колечко дыма.) О! Это была страшная смерть.

Генка Грех (*входит и с вызовом смотрит на Чередова*): Что, Чередов? Всё сидишь?

Чередов (*зачерпывает рукой из миски макарон и съёт себе в рот, потому отвечает Генке с набитым ртом*): Мне по чину сидеть! Вот (глотает) Корнейчук знает...

Корнейчук (*входит лебезя*): Истинно так!

Генка Грех (*с улыбкой*): А за такие слова, Корнейчук, я тебе знаюшь что сделаю, а? (Делает страшную рожу.) Я тебе сделаю так, что у тебя отнимется нога.

Корнейчук (*падает*): Ах, Боже мой! У меня отнялась нога! Я уме-ера-а-а-аю...(Умирает.)

Генка Грех: А сейчас, Чередов, придёт твой черед!

Чередов (*в испуге*): Свят, свят, свят!

Генка Грех (*достает из сумки ногу и тыкает ею сидящего Чередова*): Свят, не свят, а вот и на нашей улице праздник!

Чередов: Ты, Генка Грех, хулеган! (Умирает.)

Генка Грех (*отодвигает стул с сидящим на нём мёртвым Чередовым и выходит на авансцену*): Это нога покойного Аркестэра, заражённая гангреной ноги. Я ткнул ею Чередова и болезнь погубила его.

Голос из зала: А Корнейчук?!

Генка Грех: В его смерти нет моей вины. Он погиб самостоятельно! (Падает.) Ой... И у меня отнялась нога! Я уме-ера-а-а-аю...(Умирает.)

Занавес.

Человек будущего жевал сникерс. Прямо так, без корицы, — чтобы с голодухи не загнуться. В кармане куртки пищал коммуникатор. Человек будущего подобрал его совсем случайно, на мусорке — ведро выносить ходил. Смотрит — лежит тетрис, странный такой, вместо жёлтой рожки на нём треугольник с глазами. И модель написана: X-253. Может, типа, 253 игры.

Принёс тетрис домой, посмотрел, что нерабочий, положил на стол. И забыл.

Потом ночью слышит — пищит тетрис. А в окне свет. Яркий такой, точно не фонарь. И не фары чьи-нибудь. Смотрит в окно — а там...

В общем, взял тетрис, натянул кое-как куртку. Из подъезда — нырк. И бегом... Бежал, пока тетрис пищать не кончил. Тут же и свет исчез. Человек будущего посмотрел на тетрис, подёргал за проводки и всё понял. Больше суток нарезал круги по городу. Молчит X-253. Только треугольник улыбается ехидно. Устал уже. Когда шёл у реки, вдоль берега, тетрис запищал.

Человек будущего сидел на берегу и ждал темноты. «Заберут. Должны забрать. Непременно заберут...»

А X-253 пищал. Мол, не дрейфь — заберут, куда не денутся.